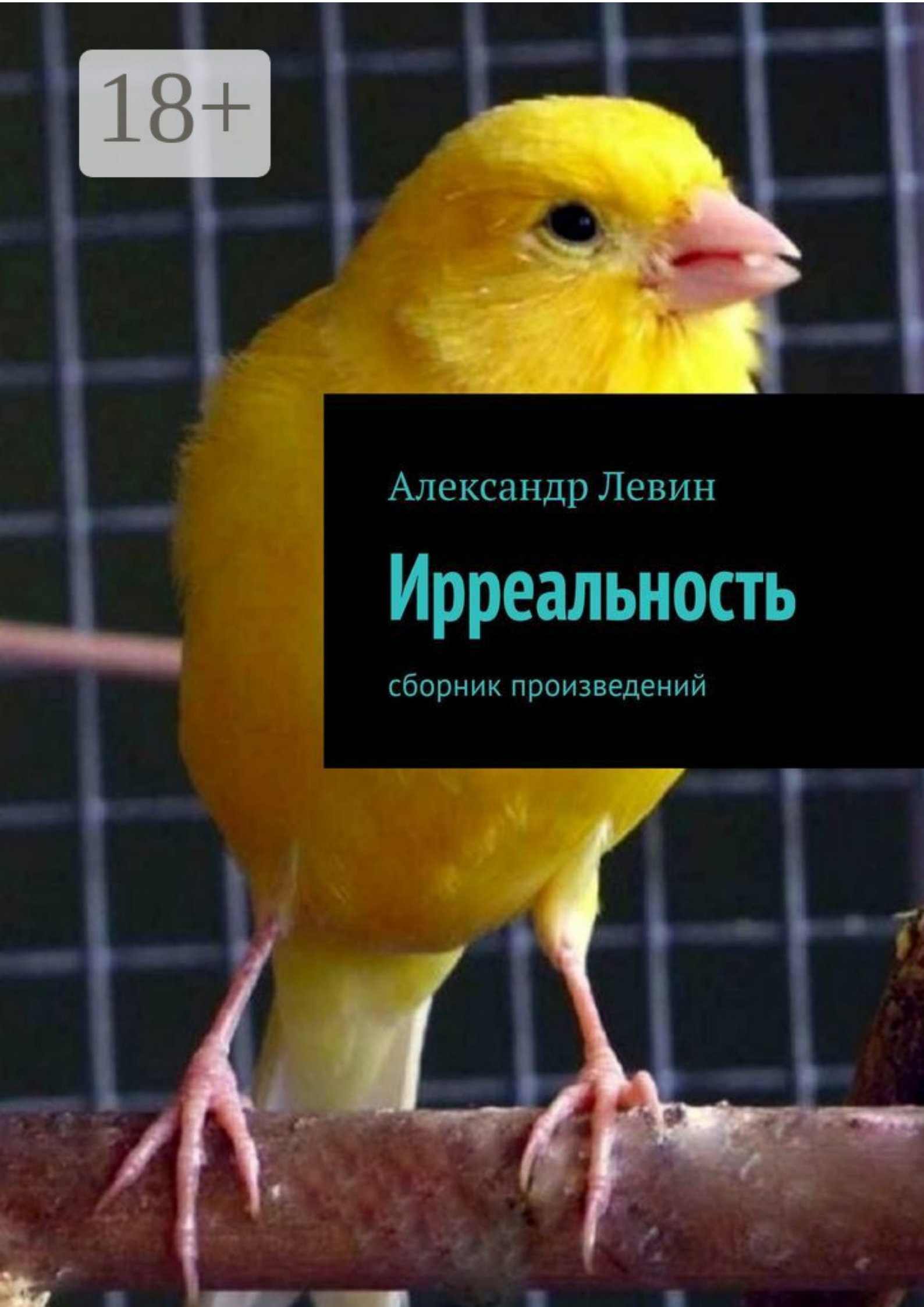


18+

Александр Левин

Ирреальность

сборник произведений



Александр Левин

**Ирреальность.
Сборник произведений**

«Издательские решения»

Левин А.

Ирреальность. Сборник произведений / А. Левин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982832-3

Мы проходим свой жизненный путь равномерно, но вдруг появляется объект или происходит случай, который пробуждает в нас чувство чего-то знакомого, чего-то уже виденного, прочувствованного ранее. Только тогда мы останавливаемся, стараясь проснуться, осознать, где и когда это всё уже было? В этой книге собраны три произведения: мистический рассказ «Житень», повесть «Пересечение» и сказка «НМБ». Всё то, что придумано и живёт в моём сознании, а может когда-то случилось со мной?

ISBN 978-5-44-982832-3

© Левин А.

© Издательские решения

Содержание

ЖИТЕНЬ	6
Командировка	6
Старый бог	11
Восшествие	13
Встреча	15
Следопыт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирреальность Сборник произведений

Александр Левин

© Александр Левин, 2020

ISBN 978-5-4498-2832-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИТЕНЬ

«Иногда нас охватывает странное ощущение печали и любопытства при виде заброшенных деревень на просторах нашей необъятной России».

Командировка

И не было бы ничего, кабы не эта чёртова командировка! Послал же меня наш директор-самодур в Тверскую губернию, в посёлок, название которого мелькает по «Рассеи» через раз – «Новиково». Уж, казалось бы, ну, мужик русский, придумай что-нибудь позаковыристей, так нет, лень же ему, раз сызнава строит, значит «Новиково»! А рядом что? Конечно, деревенька «Стариково»! Ведь должна же она быть, откуда-то все переселились?! Может и название она носила раньше другое, да только стёрлось оно из памяти людской, кроме как кивать в ту сторону и говорить, что: «Оттэдова все сюда перебрались», – никто ничего и не помнит.

Приехал, угу, продали трактора, мать их за ногу! Да не их, а тех, кто произвёл сие чудо технической мысли. А раз продал, так будь добр, обеспечить гарантию! Так они, эти коровы железные, посыпались через месяц! И вот я, тридцатипятилетний специалист по гарантийному обслуживанию сельхозтехники, слез на зашарпанной остановке посёлка с китайского «ПАЗика» в четверг, полдесятого утра. Вместе со мной вывалились с вёдрами и тюками две бойкие старушечки и средневозрастная миловидная селянка.

Старушечки, болтая о способах засолки огурцов, стали удаляться к поселковым домам, а селянка остановилась, с любопытством оглядывая меня. Я, немного смутившись, стал разглядывать окрестные поля и небольшую рощицу неподалёку. Селянка заулыбалась:

– Нравится?

– Да. Признаться очень люблю такое приволье. Хоть и бывал за границей, но красивее таких просторов нет ничего!

– Командировочный чтоль?

– Есть такое. К вам на агрокомбинат пожаловал, ваши местные танки ремонтировать!

Она протянула руку, другой болтая дамской «поселковомодной» женской сумочкой.

– Люба.

– Алексей Александрович, можно просто Лёша, – представился я и пожал ей руку. Она была лёгкой, но ладонь твёрдой и упругой, видимо, не одно ведро молока надоено этими милыми дамскими ручками. Вообще Люба напомнила мне чем-то мою далёкую деревенскую любовь. Ухоженные, густые, пшеничного цвета волосы обрамляли милое личико. Серые глаза, длинные пушистые ресницы, курносый носик, алые губы и смешные веснушки, эдакая Мерлин Монро деревенского пошиба, весьма аппетитных форм. Смех и веселье, казалось, кружились вокруг неё, брызгали из глаз, срывались со слов. От неё пахло духами и чем-то ещё, знакомым с детства, какой-то смесью полыни, полевых цветов... «Стоп!» – я заставил себя оторвать от неё свой взгляд. (Уже год как разведенный, я дал себе клятву, никогда не влюбляться с первого взгляда, просто НИ-КОГ-ДА!!!) Однако, она уже успела заметить, что понравилась мне.

– Может, подскажите мне, как пройти в контору агрокомплекса? – с большей басовитостью в голосе спросил я.

– Да, пожалуйста, – усмехнулась она, – третий поворот направо, вперёд чуть-чуть пройдёте, а там двухэтажное здание, с аркой перед входом. Я сама там работаю, в бухгалтерии. Могу проводить, коль боитесь заблудиться, – и её смешинки рассыпались вокруг меня. Она подмигнула, помахивая сумочкой, весьма довольная собой, направилась в другую сторону.

«Так, Лёлик, ты по делу приехал, а не за юбками волочиться!», – ругал я себя: «Быстрее починишь, быстрее домой свалишь! Нужна она тебе эта периферия? Дома телек, футбол, пиво, ребятам позвонишь, давно же не собирались!» Накинув рюкзак с инструментом и документацией, я зашагал в контору.

Мои предположения, что здание конторы окажется архитектурным шедевром развитого социализма, оправдались. Бетонно-блочная конструкция напоминала корявые плитки шоколада. Покрашено, правда, было недавно, но безумная тонкая арка перед входом, выглядела аляповато. Наверное, местный архитектор-практикант явно старался улучшить типовой проект хоть чем-то.

Вокруг сновали сельхозработники в халатах и прокурено-промасленные трактористы, автомеханики разного пошиба. Недалеко от здания конторы находились два ангара, в которых, видимо, и находилась вся техника. Я поднялся по попрысканным бетонным ступенькам на второй этаж. Никому я тут был не нужен, мимо меня то и дело стайками проносились работники, походу матерясь и ругаясь на кого-то, или на что-то.

«Ага, вот и дверь директора! Директор Тарасенко Григорий Степанович», – гласила табличка на ней. За дверью слышался гвалт, воняло табачным перегаром. Поскольку я человек воспитанный, то начал свой визит со стука в дверь.

– Позвольте?

Гвалт прекратился. Сквозь дымовую завесу кабинета люди с любопытством разглядывали меня. Столы были сдвинуты и представляли собой букву «Т» во всю длину и ширину директорского кабинета. В основании этой буквы сидел пожилой, довольно грузный человек в пиджаке. Он был лысоват, но мудрость и мужество его лица скрашивали этот недостаток. За столами собралось человек двадцать мужиков, в простецких рубашках, кто в пиджаке, а кто и без, в куртках и халатах. Но, деревня неприминула отразиться в брюках, заправленных в сапоги.

– Вы кто? – спросил грузный человек.

– Алексей Александрович Белый из «Сельхозмаша», – отрекомендовался я.

– А-а-а из «Сельхозмаша», по чьей милости мы уборочную не можем провести. Ну что ж, Алексей, можно на «ты»? Ситуация тяжёлая, и исправлять её надо срочно.

– Был белый, станет чёрный! – похохатывая, загалдели мужики.

– Ну, ладно галдеть, человек приехал помогать, а вы накинулись, анчутки! Меня зовут Григорий Степанович, а народ величает «батей». Ты где остановился?

– Пока нигде.

– Значит, сейчас выходишь опять на дорогу, поворачиваешь направо идёшь до поселкового магазина, напротив – будет общежитие, спросишь там Николаевну, она тебе номер и определит. Бросай там свои пожитки и шмелём сюда, вот тебе талон в столовую. Думаю, у Тоськи там ещё что-нибудь осталось. Подкрепишься и, вон, с Сергеем, в ангар.

– Сергей, ну-ка проводи своего наперсника!

Со стула поднялся молоденький паренёк в кожаной курточке. Подал мне руку: «Сергей, можно просто Серёга».

Мы спустились по лестнице, и пошли к общежитию.

– Ты сам откуда, московский чтоль?

– Да, есть такое дело.

Парень был черноволос, голубоглаз, чувствовалось в нём природное любопытство. Таких я называл «самodelкинскими». Это люди, которые помимо основной своей профессии интересуются буквально всем. Утром он с гаечным ключом, а вечером с паяльником и радиосхемой.

– А я вот местный, тут и школу закончил и техникум в районе. Хотел в институт поступить, да вот женился на Люське, уже и ребёночек есть. Доча – Лизонька. Только мы тут одни такие молодые остались, остальные – кто уехал, кто помер. Вообще, с молодёжью тут проблема.

Вон в Стариково один Кузьмич живёт и то – бобылём. Представляешь, кругом в домах даже окон нет, а он живёт. Мне даже кажется, что он век там живёт. К нам в посёлок периодически заглядывает, на свадьбы, а в основном всё на похороны. И так, понимаешь, причитает. Такой душевный старичок-одуванчик.

– А у него тут что, много родственников?

– Наверное, да и не знает уже никто, так по обычаю зовут. Раньше ведь, при Царе Горохе, как было? От прабабушки известно, царствие, ей, небесное! Там, за рощей, у Стариково, церковь разрушенная стоит. А раньше она была красоты необыкновенной. И иконы в золотых окладах и роспись. Свадьбы и крестины, чуть ли не каждый день. Тогда ещё Новиково-то не было. А как революция свершилась, в церкви свинарник сделали. И народ начал разбегаться, а, в большинстве своём, стал умирать. То ли от голода, то ли от безнадёги...

– Слушай, а что этот Кузьмич без жены всё время жил?

– Да нет, ну как же без жены жить. Бабуля говорила, что была у него жена. Да и не одна. Только не везло ему на них, все помирали, даже года не проходило. А потом, сторониться его стали бабы. Чёрт их знает, что им надо! Вроде и человек душевный. Как заговорит, так и оторваться невозможно!

– О, вот, наверное, и пришли. Это, чтоль, общежитие?

– Да. Ты тут постой, пойду Николаевну кликну.

Я остался на пороге общаги. В голове крутилась какая-то каша из тракторов, Любы и Кузьмича. «На кой ляд мне эти двое, у меня ж командировка!» Тут прибежал Серёга, с ключом в руке.

– Вот, 7-я комната. Душ в коридоре, туалет в комнате. Давай располагайся, а я в ангар побежал. Поешь и приходи. Я там пока инструмент подготовлю, да и свет сделаю, а то не видно не зги.

В коридоре послышалось шарканье.

– О, Марьниколавна подгребает. Марьниколавна, знакомьтесь, это командировочный Алексей, из Москвы!

– Эгей, какой вы добрый молодец, – сказала Марьниколавна – женщина постбальзаковского возраста, немного полноватая, с повязанным «цветастым» платком. Такие, свои в доску, тётеньки встречаются на Московских колхозных рынках.

– Надолго-ли к нам?

– Да вот, пока не заведу технику. Хотелось бы на день, но думаю, не получится.

– Хм, ну и погостите у нас чуток, погода-то, эна, какая хорошая стоит!

– Да, думаю вечером-то тут делать и нечего.

– Ой, да не наводите напраслину. Клуб у нас есть, да и хороший клуб. Степаныч расстался. В прошлом году большой урожай был, так он выписал технику аж из Москвы, что ты, ой-ой, сидишь, а все звуки будто рядом с тобой, будто около тебя шепчут или вода там льётся! «Долби свой ранд», чтоль называется. Вот и долбаит!

Я улыбнулся, не стал поправлять Николаевну. Старые люди, они ж и не выговорят название новой звуковой системы.

– Ну ладно, погощу.

– Вот-вот и погости. А я тебя чайком попою, с мёдом. У меня три улья, с послевойны осталось, так ещё дают мёд. А ты женатый али как?

– Али как, – выдохнул я.

– О-о-о, касатик, дык мы тебе тут и невесту найдём. Правда, молодёжи у нас тут, раз-два и обчёлся. Да ты, наверное, и не совсем вьюноша? Аль не так?

– Так-то, оно так...

– Ну-у-у, тогда есть у меня на примете, одна женщина. Ей-бы уж давно замуж пора, дык сверстники, кто уехал, а много и померло, в девяностых, сам помнишь, как было, не больно сытно-то. Партию разгромили, всё растоптали!

«Всё растоптали», – проговорил про себя я и вспомнил рассказ Серёги про Стариковскую церковь.

– Ох, и хороша девка-то, да и имя красивое – Любовь!

Меня как током дёрнуло. Сразу вспомнил я Любин смех и веснушки.

– Только ты, чур, её не обижай! Сирота она. Мамка-то её с папкой померли. В Стариково жили. Вот она сюда и перебралась. И, знаешь, бывает смурно на улице, а она идёт по посёлку, смеётся, и вроде как дождь прекращается. Солнышко выходит из-за туч, птички поют...

– Марьниколавна, да что вы ей Богу, ну зачем?

– Да ладно, ладно тебе, не всё ж сохнуть-то одному! Завтра, вечерком, приходи ко мне в «служебку», а Любашу я уж приглашу.

На том и расстались, я пошёл в номер, бросил вещи. Потом сходил в душ, переоделся в спецовку и направился в ангар. В голове опять крутилось: «Любаша, Любаша», – да что ж такое? Ух, уж эти женщины! Стоит им чуточку улыбнуться, повести бровью и привет, мы уже готовы как поросёнок под хреном!

Не стал забегать я в столовку, хотелось поскорее посмотреть, что с техникой случилось.

В ангаре и вправду оказалось светло! Молодец Серёга! Человек слова! Инструменты разложены, как у хирурга в операционной.

– Тэ-экс, где тут больной, точнее больные?

– Да вот, три машины из пяти, что у вас купили, ни в какую не хотят заводиться!

Я достал из рюкзака чертежи и схемы, тестер. Взял отвёртку и полез ковырять электрическую схему китайско-российского тракторного чуда. Что-то подсказывало мне, что братья-китайцы где-то сэкономили. Серёга с любопытством водил пальцем по схеме, что-то мыча под нос. Я отдавал ему команды и он, как заправский ассистент хирурга, подавал мне инструменты.

Смотря на электронное табло тестера, даже сам не понимая, как это у меня вырвалось, спросил:

– Серёг, а что это за Любаша, которую мне Марьниколаевна сватает?

– А-а-а, Любаша, сказал Серёга и заулыбался, – Любаша это просто песня! Мы с Люськой дружбу с ней водим. Хороший она человек. Жалко, конечно, что семьи у неё нет. Да то история тёмная и разобраться в ней, в этой истории, до сих пор не могу! Понимаешь, в Стариково, только их семья и оставалась последней, да Кузьмич. Родители её как—то странно умерли. Представляешь, она утром приходит к ним в комнату, а они мёртвые лежат в своей постели. Как Любаша рассказывает, ну всяко бывает, всё ж мёртвые не молодеют, а они будто лет на пятьдесят постарели, то есть лежали, как старик со старухой. А им всего сорок пять было! С тех пор она в Стариково даже на кладбище не ездит, а Кузьмича за сто вёрст обходит!

– Странно, а Кузьмич-то тут при чём?

– Ну, Любаша говорит, что вечером перед этим Кузьмич заходил к ним в гости и о чём-то долго беседовал наедине с родителями.

– А, Люба где была в тот момент?

– Там же, у себя в комнате. Не стала она их тревожить, а потом уснула. А после на кладбище, когда хоронили родителей, Кузьмич так их оплакивал, прям волком выл!

– Да-а-а, вот так история... – в схеме чего-то коротнуло и трактор взревел как раненый бизон. Серёга от испуга подпрыгнул на подножке трактора. Холодный пот проступил у меня на лбу.

– Ну, китайёзы, япономама, на припое сэкономили! Смотри, на плате дорожка нарисована, а олова нет!

– Так, один танк к бою готов, тащи припой сюда и паяльник. Потом посмотрим, что с остальными.

Дверь ангара приоткрылась и на пороге появился «батя».

– Ну, что, хлопцы, пора и отдыхать.

– Да какой отдыхать, Григорий Степанович, мы ж только начали.

– А ты на часы глядел, мил друг? Время-то уже, того, без пятнадцати девять! Вот что, давайте закругляйтесь. А ты, Алексей, беги в общагу, почисть перья, да к десяти подходи к клубу. Сегодня фильм привезли замечательный, боевик американский, режиссёр, говорят, какой-то Тарантин, чтоль... «Убить Билли» называется. Даже Кузьмич запросился. Сегодня мимо Стариково проезжал, гляжу на остановке сидит, руку поднимает. Возьми, говорит, Степаныч, меня сегодня в клуб, говорят у вас какой-то новый фильм привезли. И откуда он узнал? Ну да ладно, взял его, вон, у клуба на лавочке уже второй час сидит. Ждёт начала.

– О, я как раз в Москве на него и не ходил, закутился что-то. Но народу на премьере было очень много, говорят качественное кино. Да и на этого Кузьмича глянуть любопытно. Серёг, ты пойдёшь?

Серёга с укоризной посмотрел на меня, как будто я выдал какую-то его тайну.

– Ох, Серёга, опять ты за старое! – покачал головой «батя», как у тебя только язык поворачивается про хорошего человека такую напраслину говорить?

Серёга ответил, немного расстроенным голосом:

– Не, Лёш, ты иди, а мне домой надо, а то Люська обидится. Лизу-то не с кем оставить. Иногда Марьниколавне отдаем, когда она по графику свободна.

– Ну, тогда – до завтра!

Я забрал рюкзак и, пожав руки Степанычу и Серёже, быстро направился в общагу. Время поджимало, не будут же из-за меня задерживать сеанс.

Зайдя в комнату, я включил свет, бросил рюкзак в тумбочку, взял полотенце и пошёл в душ. «Надо бы узнать у Марьниколавны, где находится клуб, а то захотел в кино, а где оно так и не ведаю! Тэ-э-экс... Любаша, Кузьмич, вот блин, опять, ну до чего ж я „хомо любопытус“! Вот такая у меня дурная манера, как моюсь под душем, сам с собой начинаю разговаривать. Кто б подслушал, наверное бы подумал, что умом тронулся человек!»

После душа, я расчесал волосы, одел джинсы и водолазку, влез в кроссовки, пошёл к Марьниколавне.

– Значит так, касатик, сейчас выходишь отседа, поворачиваешь налево и идёшь прямо домов двадцать, там ещё раз налево, мимо клуба не пройдёшь. Он у нас оченно крандсивый.

– Всё Марьниколавна, я побежал.

– Беги-беги, побегушка!

Старый бог

Сельские клубы, очаги культуры, а в девяностых годах двадцатого века – тлеющие и потухшие костерки этой самой культуры. По этим зданиям можно проследить историю государства. В большинстве своём это бывшие церкви, лишённые куполов. Магическое место, обычно на возвышении, в дремучие века здесь у язычников было капище, где они приносили жертвы славянским богам, Роду, Перуну, Велесу... Потом пришли иные времена, когда, сначала княгиня Ольга, а потом и князь Владимир – «Красно Солнышко», приняли христианство и стали прививать его своим подданным, где-то молитвой и наставлением, а где-то насилием и кровью.

Докатилась и до этих мест смена веры. Капище сожгли, а вместе с ним тех кудесников и волхвов, что почитали силы природы и небесные светила за богов. На выжженной земле построили великолепный храм, двадцатиметровую колокольню с золочёными куполами и крестами. Новый бог должен быть красивее, великолепнее старых. Да и легенда о его существовании должна стать бестселлером!

И пошёл народ к новому богу. Стало это народной традицией, рождаться, жениться, умирать, всё с новым богом. Но старый бог не был сожжён, уничтожен, растоптан. Он жил, точнее существовал рядом, прятался по лесам, метался по кладбищам и выл, выл от зависти и от голода. Сколько веков ему не приносили кровавой жертвы и не молились его истуканам?!

Тогда он стал шептать. Шепелявить у деревенских изб, скрипеть дверьми и ставнями, копошиться в сараях и сенах, пугать людей, строить козни в надежде на то, что не поможет молитва и убьют хотя кто-то и откажется от нового бога. Ну, а потом, он поселится в его душе, заполучив с этим и тело. Он сможет сам доставать себе жертвы, становясь более сильным и могущественным.

«Если тебе страшно и больно, откажись от него, откажи-и-ись... Молитвы в его славу? Ты искупаешь свои грехи перед ним своим горем и страхом! Откажись!!!», – шепелявило в лесах и на погостах.

И нашёлся такой человек, набожный человек, в одночасье лишившийся семьи, вместе с домом, детьми и внуками, в свои преклонные годы. Один, воздавший новому богу все молитвы и получивший взамен испепеляющее пламя, он отказался! Его боль и любовь к своим близким переломила веру и любовь к новому богу.

Демьян Холмогоров, лежал ничком на траве около обугленных трупов своих родных, вцепившись в эту самую траву руками. Он стонал, прося нового бога о том, чтоб вот эти обезображенные тела, вновь стали молодыми и здоровыми, розовощёкими и веселящимися, чтоб хоть кто-то произнес: «Милый, деда, папа!». Но новый бог не слышал, так же, как и не слышали его люди, бегающие с ведрами к колодцу и растаскивающие головешки. Все думали об одном, как бы огонь с дома Демьяна не перекинулся на их дворы и сараи.

Его боль была невыносимой, она заглушала всё, даже его молитвы новому богу. И, вдруг, боль начала утихать, а вместе с ней появился шёпот: «Он слишком несправедлив, откажись... откажи-и-ись... тебе будет зачем жить... жить долго, ты не будешь чувствовать ни боли, ни отчаяния! Откажись... и я буду присматривать за тобой, я буду тобой... мы вместе сможем достучаться, чтоб он понял, что могущество есть не только у него, мы это ему докажем, мы ему покажем настоящую справедливость... откажись!»

Демьян сел на колени и стал раскачиваться из стороны в сторону, вознося руки к небу. Человеческие стенания, убитого горем человека, превратились в волчий вой, в завывание ветра на зимнем, занесённом снегом кладбище. И в этом звуке шелестели слова: «Отрекаюсь, я отрекаюсь от тебя! Будь ты проклят!»

Но люди, бегающие вокруг догоравшего дома, были слишком заняты своими делами, чтобы услышать это услышать. В суматохе никто и не заметил, как седовласый человек встал с колен, и хищно оглядывая пробежавших мимо него соседей, уверенной походкой направился на окраину села. Его больше не интересовали погибшие родные люди, вместе с болью ушла и любовь к ним. Ему нужны были только жертвы, только жертвами можно достичь могущества и заставить нового бога считаться с ним!

Восшествие

Он уже не помнил сколько лет прошло с того момента, как пламя сожгло его любовь, как переменялась его вера. Да, собственно, это и не была его вера, он позволил поселиться в своей душе другому богу. И этот другой, изголодавшийся бог, стал действовать, приносить себе жертвы и проповедовать.

Мягко и ласково, увещевая-шелестя, он порождал в людях сомненья в новом боге, возбуждая в человеке самоуверенность в себе, вытаскивая наружу звериные инстинкты. Он будил в них необузданную природную силу, зависть и ненависть, питался этой злобой, которая как паутина окутывала российские города и деревни.

Не воля бога, а «Народная воля», не собрание артели с поклоном, а русский бунт безжалостный и беспощадный. «Пустить петуха», чтоб сгорело всё и все, чтоб от удовольствия хотелось плясать. Это он, дедушка Демьян, не вызывающий подозрения, в Симбирске, мило вёл беседу с детьми инспектора народных училищ. «Да-да, всё правильно, надо всё расчистить, разрушить, для прихода истинного бога, до основания, а затем». И дети уверовали. Пожилой, опытный человек, плохому не научит. «А царь, только возомнил себя приближённым к богу. К чёрту такую веру, не нужно такое отечество! Э-э-эх, размахнись рука, раззудись плечо!» И пошло полыхать по Рассеи. Деревни, сёла, усадьбы, города.

Он ходил и питался. В самые страшные годы, когда гибли сотнями тысяч, миллионами, он молодел телом, превращаясь в восемнадцатилетнего юношу, первым врывается в сельские храмы и срывает иконы, поскрипывая кожанкой, на которой висела кобура с наганом. Иконы летели на пол, он топтал их ногами и визжал от удовольствия: «Бога нет!» Его паства с гиком и хохотом вторила ему! С улыбкой он смотрел, как мужики насиловали детей уездных учителей и врачей, ещё вчера лечивших и учивших их собственных отпрысков.

Но больше всего ему доставляло удовольствие и придавало сил, когда брат шёл на брата. Вот оно – буйство природы, её исподнее. Вместо братской любви, любовь природная! Ни печали, ни тоски, ни жалости! Красота урагана, с корнем вырывающего дерева! С КОРНЕМ!

И пришло время идолов, но не деревянных, а живых. Им поклонялись, им подносили и приносили, а главное – в них ВЕРИЛИ! И он был среди них, незаметным, всегда добродушным, не сомневающимся в подписи под расстрельным списком. «Одобряю» или «Собаке – собачья смерть», не мог он не поставить своей подписи под этими документами, ведь свои уничтожали своих, а это так вкусно, так прекрасно пахнет – ЖЕРТВЕННОЙ КРОВЬЮ! Построить на костях индустриальный гигант или канал, это ли не жертвенный храм в честь природной, безумной силы человека, во славу него?!

А дальше, дальше ещё интересней, идолы стали пожирать друг друга, пока не остался один единственный. «Солнышко», так называли кроваво-усатое идолище. Непогрешимый «человекобог», в скромном военном френче. Ради его ухмылки и приветственного помахивания рукой на параде люди отказывались от своих детей, а дети – от родителей.

И всё равно «Солнышку» было этого мало. Даже за свои ошибки он предавал смерти невинных. Так было и тогда, когда другой идол с маленькими усиками под носом, возомнил себя АРХИ БОГОМ, прародителем всех людей и решил уничтожить «Солнышко», а заодно и всех, кто «греется» под лучами его божественной славы.

Тот, чьё тело именовалось Демьяном, был счастлив. Реки крови текли по земле и под ней. Он выл от удовольствия в Бабьем яру, пускался в пляс в Минском гетто, смаковал пепельный дым в Треблинке и Бухенвальде. Сладковатый трупный запах приятно окружал, окутывал его подо Ржевом.

Это он, с полицейской повязкой нашёптывал своему приятелю полицая: «Убей, убей эту девку, она партизанка, а заодно и её пацанёка-щенька!», внушал завывающим зимним вет-

ром голодному ленинградцу: «Смотри, соседский ребёнок, ты выживешь, только убей, убей и съешь и, **ВЫЖИВЕШЬ!**». А под Мясным Бором напутствовал полководца бросить безоружных людей в болоте, дабы костями сковать вражеские дивизии. Что может быть приятнее, чем хруст человеческих костей под танками?

Казалось, ещё чуть-чуть и два идолища сожрут друг друга, но хозяин тела Демьяна начал замечать, что помимо слепой веры в идолов, у людей стала просыпаться и другая вера. Вера в добро, милосердие, даже солдаты враждующих сторон частенько братались друг с другом и щадили друг друга в часы затишья, не стреляли в тех, кто ходил за водой или играл на гармошке в открытую.

Да и вдруг перестали ломать церкви, сажать священнослужителей, и, неслыханное дело, в одной из важных битв, в воздухе появилась икона, икона нового бога, того, чьё могущество он хотел затмить!

Тот, кто находился в теле Демьяна, был разъярён, куда-то стала вдруг уходить его сила, голод опять превратил его из молодого парня в седовласого старика. Тяжело было даже передвигаться. И он решил затаиться, переждать, подпитываясь изредка энергией, которая перетекает от человеческого счастья, в преждевременное человеческое горе. Боль, боль питала его, не человека и уже давно не древнего бога, а существо – «житня», которое хотело только одного – пережить всех и вся!

Встреча

Новиковский клуб был исключением. Поскольку село было основано после революции, никакой церкви здесь и в помине не было. А клуб построили после хрущёвской оттепели, дабы молодёжь не ломилась в города, обедняя колхозы.

«Культуру в массы!» И потянулись в провинциальные города, посёлки областные театры, народная самодеятельность, просветители с киноплёнками в железных коробках, дабы окультурить массы, привить любовь к «разумному, доброму, вечному». Самым почитаемым человеком в посёлке становился не председатель совхоза, а простой забулдыга – киномеханик.

За почти сорок лет Советской власти, архитектурной мысли хватило на то, чтобы тупо и грубо скопировать фасады барских усадеб, с массивными колоннами и ступеньками, точнее даже не усадеб, а фасад Большого театра, как будто выполненного архитектором эпохи неолита. А что до бронзовой статуи коней на фронтоне Большого, так чем же живые кони, имеющиеся в селе, хуже бронзовых? «Каждому селу по Большому театру!», – а что, дёшево и сердито. Стены клуба были выкрашены в нежнорозовые цвета, ни дать ни взять – «объект культурного наследия»!

И статуя тоже имелась. На полутораметровом пьедестале красовалась гипсовая фигура вождя мирового пролетариата с откушенным носом и обрубленной в запястье руке, указующей на культурно-неолитический шедевр. На бетонном постаменте было начертано: «Вперёд к победе коммунизма!», а рядом с этим, краской нарисовано матерное слово их трёх букв, которым вождь частенько пользовался в смольненских и кремлёвских кулуарах.

На небольшой площади вокруг изваяния стояли чугунные скамейки, на которых, в ожидании начала сеанса, лузгали семечки сельчане. Мужчины дымили цыгарками, периодически здороваясь с подходящими приятелями, а женщины обсуждали сельские сплетни и задирали оных шутками, залиvisto и дружно смеясь. В воздухе чувствовалась ядрёная смесь табака, самогонки и чеснока.

Справа и слева от клуба располагался небольшой парк, точнее то, что сельчане оставили от берёзовой рощи, когда-то бывшей на этом месте. Для придания некоего романтизма, в парке было установлено несколько светильников на чугунном основании. Света от них было ровно столько, чтобы в темноте не перепутать пышные бёдра доярки с толстым стволом берёзы. Эти деревья не раз слышали визг девушек и басовитый хохот мужиков. Сбитые, кровь с молоком тела, частенько прижимали хлопчики к этим стволам, чтобы ощутить всем нутром девичье тепло и стыдливо-скрытую жажду плотской любви.

Около массивной входной двери, пройдя сквозь хохот сельских баб, как сквозь строй солдат с шомполами, я увидел Любашу. Она, завидев меня, стала опять кокетливо играть сумочкой, как девочка играет со своей любимой куклой.

– Гляжу, вы в кино собрались?

– Да, вот, Григорий Степаныч в приказном порядке отправил.

– Ну и правильно, не сидеть же вам, как сычу, в общаге!

– А вы-то, откуда знаете, где я остановился?

– Ой, ну чудной! Здесь же село! Кто-то чихнёт на одном краю села, а ему уже с другого конца варенье малиновое несут! У вас в Москве, поди, не так?

Я заулыбался. Мне было приятно осознавать, что Любаше я понравился. Меня как магнитом тянуло к этой сельской веселушке, хотелось ещё и ещё раз искупаться в её смехе.

– Ваша сельская разведка почище ФСБ работает!

Она залилась звонким смехом. Он, как горсть обронённых на пол сверкающих бусинок, рассыпался вокруг меня, отскакивая обратно, ещё раз бодря и играя с моей душой.

– Может сельская разведка знает, в каком ряду и на каком месте сидит кто-нибудь из знакомых, ну, например, Кузьмич? – еле сдерживая смех, задал я вопрос.

И, ведь, не хотел обидеть, чёрт меня дёрнул приплести Кузьмича в наш разговор. Её, свесившиеся счастьем, глаза вмиг потухли, улыбка пропала с уголков рта. Было такое впечатление, что человека, находящегося здесь и сейчас, теплым беззаботным летним вечером, вдруг переместили в лютую зиму с колючим снежным ветром. Она перестала играть сумочкой, посмотрела на меня задумчивым взглядом и сказала:

– Пожалуй, я пойду домой!

Повернувшись ко мне спиной, она стала спускаться по ступенькам.

– Люба, подождите, я не хотел вас чем-нибудь обидеть! Ну не уходите же!

Я догнал её и взял за руку. Она посмотрела на меня доверительно.

– Откуда вы знаете, что он будет здесь?

– Да Степаныч сказал, будто сюда его привёз, дескать, старик «фильму» захотел посмотреть.

– Странно, что-то перед клубом я его не видела.

– Да и я, что-то здесь людей старше пятидесяти лет не видел. Мне Сергей, ваш друг, сказал, что он такой, старичок – божий одуванчик.

– Божий? – чуть ли не срываясь на крик, произнесла Любаша, – впрочем, на первый взгляд он таким и кажется...

– Люба, давайте вернёмся, всё равно Кузьмича нет, может и не стал он дожидаться кино, а уехал на автобусе к себе, в Стариково, мало ли, может, заболел?

– Заболел? Хотя, впрочем, иногда его и не видно бывает. И на доме вроде замок висит. Ну, так говорят.

– Вот я и говорю, давайте кино посмотрим, ну не будем портить первый вечер нашего знакомства, тем более, у меня такое ощущение, что я вас чуть ли не с детства знаю!

– И у меня, тоже, – улыбнувшись, она с благодарностью чуть плотнее прижалась ко мне.

Однако от селянок такой Любин жест невозможно было скрыть. Одна из них хохотнула и сказала:

– Любаня, никак жениха себе городского завела?

Любаша посмотрела на неё осуждающе, но без злобы и ответила по-деревенски колко:

– Смотри, Глаша, за своим муженьком, а то мне одного может мало будет!

Бабы бросились осмеивать неудавшуюся шутку своей односельчанки. А мы отошли и остановились у берёзы, которая стояла ближе всего к клубу и продолжили разговор.

– Знаете, ведь я всё детство проводил в деревне, как лето, так родители отправляли меня туда с бабушкой. Мы там с местными, деревенскими, бегали, играли, возились в пыли, прятки там всякие, казаки-разбойники, рыбалки-костры, чуть не до утра. Ну и смеялись друг над другом, женихами-невестами обзывались. Была у меня там подружка, Оксана, очень похожая на вас, не внешне, а знаете... вот так же заразительно смеялась, ну, пожалуй, волосы такие же русые и смешнучки-конопушки, как у вас. Подросли потом, первая любовь, всё такое, и вздыхал, и цветы дарил, да только потом как-то всё закрутилось, армия, институт. Короче, когда я вернулся, она уже замуж вышла и ребёночка родила.

– Да, интересная история, наверное, такая есть у каждого мальчишки-романтика.

– А как прошло ваше детство?

– Да тоже вроде весело, только мы ещё и родителям помогали, то в поле, то в коровнике, в Стариково. Так теперь ничего этого там нет. Был и у меня жених, Вася, – глаза её опять стали печальными, – такой же любопытный и умный как вы, только он... он... с ним несчастный случай произошёл, в общем, умер он.

– А что случилось-то?

– Знаете, вроде как корова у них в лес убежала. Ну, собрал он ребят знакомых, друзей, пошли её искать. В лесу они разбрелись с ребятами, все вернулись, а ни его, ни коровы нет. Потом искали его два дня, с милицией, нашли, лежит под сосной, вроде он, а вроде не он, высохший весь, пожелтевший, как старичок, голова как-то в сторону повёрнута и глаза... даже сейчас как вспомню, в дрожь бросает, застывшие, будто что-то страшное увидел перед смертью. А рядом корова пасётся. Только к людям она не пошла, шарахалась от них, бодалась, будто сбесилась. Пришлось дяде Коле, нашему милиционеру, её из пистолета пристрелить, чтоб никого не покалечила! Больно мне это всё вспоминать. А родителям-то было какво? Они так на могиле убивались! И этот «одуванчик» тоже голосил... А потом... потом я как-то пришла навестить Васю на его могилку, а там... могильный холм разрыт, щепки валяются, венки все побросаны в стороне. Ну, прибежала я к дяде Коле, рыдаю, рассказала всё, он в район позвонил. Приехал человек десть милиции, вскрыли могилу, а у Васи, под рубашкой рана страшная и сердца нет... Ну, походила милиция по дворам, походила, и списала всё на вандалов. А Кузьмич, будь он трижды проклят, вроде, как помолодел после этого. Знай только в разговорах всё причитает, дескать такая пара была хорошая, Вася с Любой, да вот такое горе...

– Любаша, а что этот Кузьмич? Как давно ты его знаешь?

– Да почитай с самого детства. Всегда рядом с детишками сидит на лавочке, наблюдает, как мы играем, а то и байки какие-то рассказывает. Да все эти рассказы какие-то однобокие, неинтересные. Всё про какие-то богатства, которые он у буржуев отбирал, про то, что самому надо жить, как он хозяйствовать, показывал какие-то блестяшки-стёклышки нам разноцветные, украшения золотые. Но в руки не давал. А нам, ребятишкам, потрогать охота. Ну, большинство ребят к нему подходить перестали, скупердяй он первый на деревне был. Но кое-кто ему завидовал. И вот этих детей, чуял он их чтоль, он и стал привечать. То на чай позовёт, конфет даст, то по голове погладит. Только после него они выходили какие-то злые, неприветливые. В глазах льдинки. С родителями ругались, с друзьями не разговаривали... Со многими из них судьба горько обошлась, кто сидит, кто запил, кто-то и добился успеха, но на чужом горе, люди таких не уважают. Вон, хотя б, Ромка, точнее Роман Егорович. Видел трёхэтажный особняк на краю села?

– Ну да, там забор ещё такой, метра под два!

– Вот-вот. У него четыре собаки, ротвейлера. В селе почти и не появляется, а если и появляется, то иначе как на Романа Егоровича не откликается.

– Хм, а что ж тут странного, заработал человек...

– Заработал? Сомневаюсь я! Поговаривают, он в районе людей грабил, «крышей» на рынке был.

– Ну, Люб, знаешь, некоторые свой стартовый капитал так и зарабатывали. Потом одумались, кто церковь построил, кто убогим помогал.

– Убогим? Церковь? Вон Григорий Степанович хотел церковь в Стариково отреставрировать, с революции в руинах лежит, свинарник там у строителей коммунизма был. Ведь, односельчан в Стариково и хороним, в Новиково же церкви и кладбища нет! Значит, пошёл к Ромке денег просить, а тот на него собак после разговора ещё натравил. Вот такой был у нас «воспитатель» Кузьмич. Хозяйственный, ...а как же, пять хозяек его на Стариковском кладбище лежат! Дуры-бабы, позарились на «старичка-одуванчика», знаешь, кто по душевным чувствам, а кто и на дальний прицел, дескать, пожалею его на своей груди, похожу за ним в его немощи, а как помрёт, глядишь и дом, и все его богатства мне останутся. Выходили-то за него цветущие бабы, а через какое-то время в старух превращались, молчаливых. Так молча и уходили... Ну а он уж как рыдал над ними, что ты, собаки так не воют, ВОЛКИ!

Я не стал спрашивать Любу о странной смерти её родителей. Сейчас это было не нужно. Слишком много нехороших воспоминаний на сегодня.

– Говорят у вас тут премьеры фильмов с недельным отставанием от Москвы?

– Да. Это Григорий Степанович старается. Мировой он у нас мужик. Вот ещё хотим из города молодёжь переманить, а то у нас своей, как видишь, нет. Дома строим со всеми удобствами. Интернет будем проводить. Дай Бог уборочная с прибылью закончится. Видел, какие хлеба в полях стоят?

– Угу, видел из ангара, – улыбнулся я.

Она тоже улыбнулась, посмотрела мне в глаза, смахнула паутинку с моих волос.

– Пойдём в клуб, сейчас Гаврилыч кино запустит.

Внутри клуб был куда краше, чем снаружи. Выложенные светлой мраморной плиткой полы, если не сверкали, то предавали освещённости помещению. Несколько больших зеркал в коридоре и около вешалки, мягкие кресла и диваны, стены выкрашены в мягкие кремовые тона, неназойливая световая иллюминация. Да-а-а... вот так сюрприз, кто-то явно хотел удивить! Что ни говори, внешний облик и содержание могут быть абсолютно разными!

Зрительный зал был небольшой, человек на сорок-пятьдесят. Но очень уютный. Кресла удобные, подлокотники с откидывающимися столиками. Ну, прям как в городском кинозале хорошего класса. Единственное отличие состояло в сцене и массивных бордовых занавесах по краям выдвинутого экрана. Видимо, за сценой находились служебные и технические помещения, и приезжающие сюда актёры играли на этой «сцене со всеми удобствами».

– Ну как, нравится? – шёпотом спросила меня Люба, когда садилась на своё место.

– Нет слов, шепнул я в ответ.

– Может сядешь рядом?

– А если это чьё-то место?

– Ой, Лёш, ну ты как маленький, что у вас в Москве, в кинотеатре не меняются местами?

– Ну, почему же? Меняются. И местами тоже, – ёрничал я.

– Садись, давай, вон уже рекламу пускают.

Свет в зале немного приглушили, на экране закрутилась реклама. Сельчане постепенно рассаживались на свои места, со вкусом комментируя рекламу.

Свет совсем погас. На экране появилось знакомое лицо Умы Турман. Но мне уже было не до неё и не до фильма. Рядом сидел человек, ещё вчера мне совершенно незнакомый, а сейчас родной. Было такое впечатление, что я живу с Любашей всю жизнь. И не было никакой жизни до этого, не разочарований в семейной жизни, горьких фраз и клятв самому себе никогда не влюбляться.

В темноте кто-то назидательно прошелестел над моим ухом.

– Нехорошо, молодой человек, чужое место занимать!

Любашина рука так и вцепилась мне в локоть, я почувствовал, как она внутренне вся сжалась от испуга. В отблеске экрана, ухмыляясь и слегка опираясь на палку, стоял пожилой человек, лет шестидесяти пяти. На нём был костюм, брюки заправлены по-деревенски в яловые сапоги. Почти бесцветные глаза осуждающе смотрели на меня. «Кузьмич, точно», – промелькнуло в голове. «И чёрт его дёрнул припереться сегодня!»

– Ой, отец, извини, можно я с тобой местами поменяюсь, во-о-н моё место, на два ряда повыше, а то, видишь, дама со мной, неудобно как-то её покидать, – произнёс я примиряющим голосом.

– О-те-е-ец, – саркастически улыбнулся Кузьмич, обнажив свои абсолютно белые зубы, а может, они мне показались абсолютно белыми из-за отблеска экрана?

Больше он ничего не сказал, только развернулся и пошёл занимать место выше, слегка опираясь на палку.

– Лёш, давай уйдём отсюда, а? – дрожа от испуга, прошептала Любаша, в её глазах стояли слёзы.

– Любашенька, ну перестань, ничего же не случилось, – утешал я её, – Видишь, он ушёл, даже на тебя не посмотрел.

– Он не ушёл, он здесь!

– Люба, ну что за паранойя? Я рядом, видишь, держу тебя за руку. Успокойся, всё хорошо.

Мне просто не верилось, что какой-то старик может испугать кого-то, ну что за ужастики-сказки? Моё спокойствие передалось и Любе, она перестала дрожать и чуть ослабила руку, но отпустить видимо не собиралась.

Как-то всё само-собой прошло, и Люба переключилась на экран. На нём Ума лихо рубилась самурайским мечом с гангстерами. Я приобнял Любашу за плечи, она положила голову на моё плечо. Мне стало казаться, что я как во сне перенёсся в годы моей юности, сижу с Оксаной в кино и смотрю какой-то глупый ужастик начала девяностых, ну тогда-то он был жутко-страшным! И во мне всё нарастает чувство страха и дикой тоски, которая приближается ко мне со спины и, вроде и смотреть нельзя, знаешь, что тебя ждёт верная смерть, а не посмотреть – означает погибнуть, не узнав, что же там было, а возможно и предотвратить смерть! И вот тут-то я понял, что я не во сне, а наяву ощущаю смерть за своей спиной. Да-да, я понял, что сплю, окутанный теплом её любви, но холодное дыхание уже за спиной. Я поёжился, открыл глаза, посмотрел на экран и обернулся назад. Клянусь всем чем угодно, двумя рядами выше сидело нечто не похожее на человека.

Руки-плети, как высохшие ветки деревьев распластались на спинке кресла впереди. Туловище было похоже на выкорчеванный корень, только расширение корневища служили плечами существу, посредине корневища находилась косматая голова с огромными глазами навывкате, крючковатым длинным носом, массивной челюстью с большим ртом и острыми зубами. Его глаза горели белёсым цветом, оно ухмылялось, причмокивая тонкими губами, и скалило свои белые зубы.

Оно смотрело не на экран, а на меня. Я не мог оторвать от него взгляда, какая-то сила притягивала меня, чувство вселенского одиночества охватило меня полностью, я словно проваливался в какую-то могильную яму, у которой нет дна, вокруг была пустота и безысходность. Вдруг я резко ощутил, что сижу в кресле, а через пелену тумана вижу лицо Любаши. Через какие-то секунды ко мне стал доноситься её голос:

– Лёша! Лёшенька, милый, что с тобой? – спрашивала она, обхватив мою шею ладонями и пристально глядя мне в глаза.

– Т-там, т-там, – заикаясь, произнёс я, – т-там, это, ох..., – казалось, в меня всё-таки вернулась уверенность и, неожиданно, энергия и желание обладать своим телом мгновенно распространилась от ступней до кончиков пальцев рук.

Я схватил Любашины руки, встал с кресла и обернулся. В зале был включён свет, мы стояли с Любой совершенно одни. Она смотрела на меня немного испуганно, всё ещё не веря, что со мной всё в порядке.

– Люба, ты что? Что случилось?

– Это с тобой что случилось, Лёш! Фильм кончился, а ты сидишь со стеклянными глазами и не отвечаешь, я тебя трясу, а ты не отвечаешь! – она закрыла лицо руками и заплакала, – Не надо меня больше так пугать!

– Да я не пугал тебя, Люб, я видимо просто заснул, знаешь, бывает такое, даже в научных трудах такие случаи описаны.

– Научные труды, дурачок, – она легонько шлёпнула меня кончиками пальцев по лбу, – напугал, чуть ли не до смерти!

– Я сам напугался, – надув губы пробурчал я. «До смерти» – пронеслось в голове.

– Надо идти домой, что мы тут стоим, как два тополя на Плющихе!

Мы отправились к выходу, я посмотрел на то место, где сидел Кузьмич, около кресла, на полу валялись короткие сухие ветки. «Может на сапогах принёс», – подумал я: «С другой стороны, на улице дождя и грязи вроде не видать».

Мы шли по посёлку к Любиному дому, мне всё-таки хотелось узнать, что делал Кузьмич в клубе, почему его место оказалось рядом с Любашиным.

– Люб, ты только не злись, скажи, а Кузьмич до конца фильм посмотрел или нет?

– Я его не видела, где-то с середины фильма, просто обернулась посмотреть. Ты же видишь, как я к нему отношусь, боюсь его и не люблю. Ну, так вот, посмотрела, а там – кресло свободное. Не было его.

– Ну вот, мы и пришли, проводишь меня до двери?

– А как же!

За невысоким штакетником между двумя толстыми старыми липами стоял деревянный дом. При входе на крыльце горела яркая лампочка. Мы вошли в калитку. Перед дверью Люба обернулась, провела по моим волосам и щеке рукой, ласково улыбнулась, поцеловала меня в щёку.

– Жених молодой, а сам – седой! До завтра! – она хохотнула и закрыла за собой дверь.

«Хм, седой, где она у меня седину нашла?», бурчал я про себя, идя к общежитию. «Ну да, наверное, хотела сказать про беса в ребре?». В общежитии я открыл ключом комнату, и упал на кровать, устав от перипетий первого дня командировки. Спалось мне хорошо, но в какую-то минуту я почувствовал, что-то скребёт по стеклу. Я открыл глаза, мне показалось, что на окне прилегли руки-плети. Страшно не было, но ощущение, что за мной следили, присутствовало.

Я быстро встал с кровати и шагнул к окну. Руки плети – оказались облетевшими ветками рядом стоящей вишни. Но за ней, что-то метнулось в сторону, то ли собака, то ли кошка с ярко светящимися глазами. «Всё, ну хватит уже, завтра рано вставать, спать-спать», – я опять прилёг на кровать.

Следопыт

Будильник в сотовом пропиликал в шесть. Я поднялся с кровати, чувствуя в теле просто катастрофическую усталость и ломоту. Но на работу идти, всё же, было надо. Я взял пасту, зубную щётку, бритву с гелем для бритья, полотенце и отправился в душевую. Почистил зубы и начал намазывать на щёки гель. И тут моя рука остановилась. В зеркале я увидел, что мои волосы на голове приобрели слегка серебристый цвет. «Жених молодой, сам – седой», вспомнил я Любашины слова. Вот она о чём! Не может быть! Ещё позавчера, перед командировкой, мои волосы были абсолютно тёмно-русыми, а теперь в них была седина. «Неет, в истории с Кузьмичём что-то не так. Надо обязательно разобраться с этим!»

– Доброе утро, Алексей! – Марьивановна была уже на своём боевом посту: «Как спалось?»

– Да ничего, нормально, – соврал я

– Ну, давай, беги на работу, а то хочешь вот, чай с варением крыжовишным и баранками, я из дома вчера с собой на работу взяла!

– Ой, Марьивановна, спасибо, я сейчас в столовой перекушу, некогда уже тут чаёвничать!

– Ну, ладно, а вечером приходи, я Любашу позову, попьём чайку, поговорим по-свойски, – заговорщически произнесла комендант общежития и подмигнула мне.

С рюкзаком в руках я шагал к агрокомбинату вдоль дороги. Мимо проносились грузовики. Да..., сельская жизнь начинается рано, я, наверное, ещё спал, когда большая часть села уже пила за завтраком чай. Какая-то женщина в возрасте, в брезентовой куртке выгоняла коров на поле. Следом за ней из соседних дворов хозяева выгоняли своих опоздавших бурёнок. Те шли в правильном направлении, к основному стаду, но явно не торопились, то и дело останавливались и щипали придорожную травку.

«Коровки, как на моих любимых конфетах, из детства», – подумал я. Папа частенько приносил домой кулёчек таких конфет, когда работал на ремонте объектов какой-нибудь кондитерской фабрики. Это были даже не те «Коровки», которые продавали в магазине. Там они были засахарены, а папа приносил свежайшие, нежнейшие, не разламывающиеся при надкусе, с ванильно-сливочным запахом, растягивающиеся, в кремовый мостик, между двумя половинками. После того, как этот мостик оказывался во рту, он начинал там медленно таять, то и дело прилипая к нёбу и зубам. Отец мне как-то признался, что это и его любимое лакомство, только после войны, когда он был маленький, тогда они назывались «Тянучки». «Наверное, надо было сделать два сорта конфет, те, которые для магазина – «Коровки», а те, которые домой – действительно, «Тянучки», с иронической ухмылкой произнёс я вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.